

УДК 9С18

Е.А. Дегальцева

ХОЗЯЙСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ

Хозяйственная культура коренного населения Сибири XIX в. является составной частью общей экономической культуры. Она включает артефакты, ценности, установки, верования, модели и нормы поведения, возникавшие в результате хозяйственной деятельности в XIX в. Труд играл главную роль в повседневной жизни большинства населения Сибири. Среди коренного населения не был развит крестьянский земледельческий труд, трудовая специфика определялась географическими, гендерными и социальными особенностями.

Ключевые слова: хозяйственная культура, труд, коренное население.

Опираясь на историко-генетический подход, специалистами выделяется такой тип культуры, как *хозяйственная культура*, понимаемая как система ценностей, смыслов, символов, знаний, традиций, обеспечивающих мотивацию и регуляцию хозяйственной деятельности, определяющих форму её существования, а вместе с тем и восприятие ее обществом. В хозяйственной культуре выделяют срединную, специализированные и экстремальные формы. Данный тип культуры является составной частью общей экономической культуры, представляющей собой ценностно-мотивационную систему, так называемую проекцию культуры (глобальной, национальной и региональной) на сферу социально-экономических отношений. Она включает артефакты, ценности, установки, верования, модели и нормы поведения, возникающие в результате хозяйственной деятельности и касающиеся процессов распределения ресурсов. В соответствии с областью поведения в экономической культуре выделяются следующие виды: культура труда, инвестиционная или сберегательная культура, потребительская культура и предпринимательская культура [1. С. 43–65]. В данном случае необходимо остановиться подробнее на региональной «проекции» и рассмотреть особенности хозяйственной культуры аборигенного населения Сибири и их роль в процессе освоения региона.

Занятия русского населения Сибири подробно рассмотрены в работах В.А. Скубневского, Ю.М. Гончарова и др. [2–7]. Ими обозначена функциональная структура городов, проведен отраслевой, сословный и возрастной анализ трудовой деятельности, установлена её городская специфика в связи с процессами модернизации во второй половине XIX – начале XX в. Нами же преследуется цель провести социокультурный анализ трудовой деятельности, рассмотреть её ценностные и мотивационные аспекты, а также определить занимаемую долю в жизненном пространстве коренного населения. Трудовая составляющая образа жизни играла главенствующую роль в повседневности большинства жителей Сибири. Ведущими специалистами обоснован принцип труда как системообразующий принцип жизнедеятельности общества и человека [8. С. 14]. Ими доказано, что существует специфика труда в следующих отношениях: ландшафтном, климатическом, географиче-

ском, устанавливающим его социальную природу и соответствующие типы гражданско-государственного устройства социума. Определение социальных альтернатив должно основываться на цивилизационных особенностях российского социума, любые социальные проекты при их реализации преломлялись и будут преломляться через ландшафтную, духовно-нравственную, ментально-этническую составляющие российской цивилизации.

Как известно, хозяйственная культура определяется характером и динамикой материального производства и в то же время сама определяет его. Невозможно работать в любой сфере хозяйства и при этом *не осознавать* своей деятельности, не относиться к ней как к желанной или тягостной, престижной и почетной или позорной, обусловленной социальным статусом и потому гармоничной или, напротив, выводящей за пределы должных социальных отношений и потому нуждающейся в оправдании в глазах общества. «Представления о высокой духовной, моральной ценности той или иной деятельности, наделение её надобыденным смыслом побуждают активнее ею заниматься и наоборот» [9. С. 12–13].

В связи с тяжелым трудом, которым была заполнена повседневность аборигенного населения, а также и столь же нелегким процессом освоения окраин духовно-нравственная организация общества вряд ли была нацелена на воспевание и уважение мотивации труда и его результатов. В конце XIX в., по подсчетам А.Д. Марголиса, на 300 тыс. ссыльных в Сибири приходилось не менее 100 тыс. безвестно отсутствующих [10. С. 37]. Они оставались в крае, бродяжничали и производительным трудом не занимались. В лучшем случае они становились ремесленниками или нанимались в работники. Таких в Сибири называли «бродячей поселгой» [11. С. 77]. Томский губернатор А.А. Ломачевский в своем отчете в МВД за 1896 г. откровенно признавал, что «громадное число преступлений, падающих на ссылаемых, объясняется не столько порочностью, сколько безвыходным положением, в котором становятся ссыльные, совершенно не подготовленные к условиям жизни и заработка, ими встречаемым» [12]. Их поведение, несомненно, оказывало влияние и на аборигенов.

Крестьянским хозяйством, по подсчетам Н. Рубакина, занимался лишь один из десяти ссыльных, приписанных к сельскому обществу [11. С. 77]. Закон устанавливал особую квоту: в селении на 100 старожилов должно было приходиться не более 20 ссыльных, однако в круговой поруке они не стояли. В деревнях они сторонились местных жителей, жили особняком, и крестьяне их недолюбливали. Как отмечает М.В. Шиловский, у подавляющего большинства из них «отсутствовала мотивация к занятию честным трудом» [10. С. 37–38].

Именно через трудовую составляющую менталитета совсем другое – радужное и уважительное – отношение было у сибиряков к политическим ссыльным. Они обучали детей и взрослых грамоте, занимались общественно-просветительной работой. Со многими, ранее неизвестными в Сибири сферами деятельности местных жителей познакомили ссыльные поляки. Они научили сибиряков выделывать масло из кедровых орехов, культивировали пчеловодство. Трудовая специфика в Сибири определяется географическими

и социальными особенностями. В Тобольске, например, расположенном на пересечении двух сибирских рек Тобола и Иртыша, одной из ведущих отраслей являлось рыболовство. В начале XX в. с Севера в Тобольск за один зимний период доставлялось до 1 млн пудов мороженой рыбы [13]. Из-за отсутствия постоянных удобных путей сообщения (в частности, железной дороги Тюмень – Тобольск) эта отрасль постепенно пришла в упадок, так и не дав должного развития столь выгодному для края рыбному делу.

Примерно в последней декаде мая открывалась навигация и оживлялась трудовая деятельность тех, кто был связан с судоходством. До начала октября в местах стоянок пароходов шла бойкая торговля продуктами питания и промыслов. Жители Тобольска, Сургута, Нарыма и других расположенных на речном пути городов на пристанях ждали остановок проплывавших теплоходов, чтобы сбыть продукты своего хозяйства. Местные женщины вели торговлю молочными продуктами, баранками, хлебом, сибирскими шанежками, кедровыми орехами, рыбой и дичью. Широкое развитие судоходства давало и такой вид заработка, как заготовка и доставка «пароходских» дров, особенно в зимнее время. Отбывавший ссылку в г. Сургуте Тобольской губернии И.Я. Неклепаев даже отмечал, что перед этим «заработком, какой дают населению городов и сел, куда пристают пароходы», отступали на задний план традиционные промыслы [14. С. 306].

Уже современники подметили специфику отношения к труду в разных районах Сибири, связанную не только с климатическими условиями, но и с социально-экономическими особенностями. «Западная Сибирь, – писал Н. Рубакин, – занимает такое большое место, что в разных углах её людям приходится жить по-разному. Русские одичали в этих краях (север Тобольской губернии. – *Е.Д.*), стали ходить на остяков... Русский народ тут неграмотен, хлебопашеством не занимается, от многого отвык и многое позабыл. Не умеют распилить бревна, бабы не умеют прясть» [11. С. 14].

В северных районах Восточной Сибири, особенно в Якутской области, где проживали преимущественно инородцы, оформилась особая трудовая этика. Зимой до 8 месяцев здесь приходилось сидеть дома, а остальную часть года (в конце лета и начале осени) мужчины проводили в лодке, занимаясь рыбными промыслами. Эта короткая пора для населения была самая счастливая и желанная. Помимо рыбалки, инородцы занимались охотой на пушного зверя и торговлей.

Зарубежные исследователи делают выводы об экстремальном характере российского освоения Сибири и даже определяют цену сибирского холода, которая может быть прямой и косвенной (цена адаптации) [15. С. 40–41]. Если прямая цена определяется ущербом вследствие сурового климата для строительства, развития промышленности, инфраструктуры, сельского хозяйства, рыбной ловли и в целом человеческого существования, то цена адаптации включает дополнительные расходы на обогрев зданий, особо прочные материалы и всё, что защищает общество от холода. По мнению Ф. Хилл и К. Гэдди, огромная площадь Российской империи не способствовала быстрому экономическому росту, а расширение её территории во многом нарушало связность её частей, причём это усугублялось продвижением

на восток, то есть во всё более холодные регионы с континентальным климатом. Сравнивая с историей экономического освоения США, Канады и Австралии, авторы считают, что в отличие от перечисленных стран, довольно быстро «сконцентрировавших» население, Россия «размазала» своё население по огромной территории, жертвуя при этом как качеством условий жизни, так и экономической эффективностью строившихся в Сибири промышленных предприятий.

Цена адаптации для человеческой жизни действительно была слишком высока. Постоянная зависимость потребления от природных условий приводила к вынужденным частым голодовкам, которые чередовались у местных жителей с обжорством. Жившие здесь русские в результате метизации, а также вынужденного жизненного стиля теряли трудовые навыки и физическую силу. Из наблюдений П. Рябкова, путешествовавшего по Колымскому округу, русские здесь редко что-то делали сами. «Дрова нарубить, печь класть, дом построить, кузнечное дело и др. делал якут или поселенец» [16. С. 13]. Русские избегали и стыдились этих работ, особенно казаки, которые были на пайковом довольствии. В Нижнеколымске климат был суровей, а плотники и кузнецы – более искусны. Однако и здесь «тоже ленивы и зимой могли проспаться несколько суток» [16. С. 15].

Большую часть трудового процесса у коренного населения занимало строительство и обустройство жилища. В северных частях Восточной Сибири инородцы строили избы без крыши (Нижнеколымск). Потолки в них были насыпаны землей. Такое жилище было не вполне приспособлено к суровому климату. Никаких украшений и узоров по дереву нигде не было. Многие у проживавших здесь русских было заимствовано у якутов, в том числе и внутренняя обстановка дома. В середине его стояли (вместо кровати) нары с оленьими шкурами [16. С. 21]. Жилье имело характерный запах, так как большая часть одежды была сшита из оленьих шкур, тут же хранилась провонявшая рыба и варился собачий корм из разложившихся остатков рыбы и оленьих кишок. Пол и стены женщины мыли один-два раза в год перед большими праздниками, однако посуду и столы скоблили и мыли довольно часто.

Жители здесь почти не пользовались постельным бельем, в ходу были лишь одеяла из заячьих шкур. Спали голые, мылись очень редко, всеми исследователями отмечается невежество в плане личной гигиены. Например, в Колымске и Верхоянске совсем не было бань. Даже летом женщины не купались в реках, и мужчины делали это крайне редко и далеко не все. Принято было мыться в доме только перед Пасхой и Рождеством. Поселенцы и приезжие, в отличие от местных, купались часто. Погода требовала добротной и практичной одежды. Инородцы её шили сами. В ней присутствовало очень много меха и теплых тканей. В полярных районах Сибири этническая одежда коренных народов (якуты, юкагиры, тунгусы) вытеснила русскую национальную одежду. Лишь приезжие и некоторые горожане здесь носили одежду и обувь европейского покроя: сюртуки, пальто, пиджаки, жилеты, женские платья, ботинки, сапоги. Однако материал оставался неизменным – оленьи шкуры, мех, сукно, ситец и плис [16. С. 23–24]. По мнению

О.Н. Шелегиной, заимствование некоторых элементов аборигенного костюма носило утилитарный, а не престижно-знаковый характер [17. С. 21]. Исследователь пишет о гибкости и силе людей, «сумевших адаптироваться в новой экологической и этнической обстановке», но при этом не утратить стрежня традиционной российской культуры [17. С. 21].

Охота была главным занятием мужчин. Она рассматривалась не только как основное трудовое занятие, но как основной элемент традиционного образа жизни. Инородцы употребляли в пищу всё, что приносили с охоты и собирательства. У теленгутов любимым мясом была конина, поскольку охота была менее распространена. Среди них все – и мужчины, и женщины – курили, поэтому было распространено выращивание табака [18. С. 117]. Среди аборигенного населения широко распространены были смешанные браки, особенно в северных районах Восточной Сибири, где проживало большое количество инородцев. Как уже указывалось, к метизации у современников было негативное отношение. Инородцы (тунгусы, ламуты, юакигры, якуты и др.) не получали в достаточной степени солнечного тепла и света, принимали однообразную рыбную пищу (нередко плохо сохранившуюся), хлеба почти не употребляли, жили в неприемлемых гигиенических условиях, вели малоподвижный образ жизни. Не обремененные в суровых климатических условиях какими-либо занятиями местные жители по 4–5 раз в день устраивали чаепития [16. С. 14].

Земледелие среди инородцев было не распространено в большей степени в силу суровых климатических условий. Поэтому переселенцы из России редко шли туда, где жили инородцы, поскольку эти районы были не пригодны для занятия земледелием. Те, которые оставались, жили в этих местах не более одного-двух лет [11. С. 70]. Хлебопашеством не занимались не только на севере Тобольской губернии и в ряде местностей Восточной Сибири, но и в предгорных районах Алтая, где был более мягкий климат. Наиболее предприимчивые держали здесь пасеки, торговали медом и воском. Неподалеку, в Бийском округе (Томская губерния), был распространен ореховый промысел. Здесь им зарабатывали на жизнь более 1,5 тыс. семей. Занимались заготовкой орехов также в Тобольском и Туринском уездах. Скупщики покупали орехи от 1 руб. 80 коп. до 3 руб. 50 коп. за пуд. За осенний сезон два человека могли набрать до 250 мешков орехов [11. С. 31].

Несмотря на то, что приезжим казалось, будто Сибирь «чрезвычайно богатая страна, земля необыкновенно плодородна, и *немного* надо приложить труда, чтобы получить обильную жатву», местные жители, чтобы покорить этот край, трудились не покладая рук [19]. Высокое начальство, отправляя в места проживания инородцев священников, учителей, врачей, считало, что они с покорным равнодушием отправлялись в глухие места и там нередко «погружались в зимнюю спячку или спивались среди мертвящего холода, самоедов и медведей» [20]. Во время Первой мировой войны понизились цены на масло, рыбу, пушнину, что не замедлило отразиться на и без этого невысоком уровне жизни инородцев. Одновременно резко подскочили цены на предметы первой необходимости: мануфактуру, табак, спички, керосин, а в таежных районах – на порох и дробь. Большой интерес представляет и ген-

дерная специфика хозяйственной культуры инородцев. Так, например, у теленгутов вся домашняя работа лежала на плечах женщины. Они доили коров и коз, варили обед, шили бельё, верхнюю одежду и обувь. Мужчины же, по наблюдениям современника, только «едят, пьют, курят и спят» [18. С. 121].

Итак, психология коренного населения Сибири определялась трудом. Специфика хозяйственной культуры инородцев в Сибири XIX в. имеет адаптационный характер и состоит в преодолении суровых климатических и новых социальных условий, а также в постоянном взаимодействии с колонизаторами.

Литература

1. *Положихина М.А.* Культура организаций: Формирование и перспективы эволюции // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. трудов. М., 2008. № 1: Экономическое поведение и этика. С. 43–65.
2. *Земеров Б.И.* Динамика численности и профессиональной структуры железнодорожников Сибири в период империализма // Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14.
3. *Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период.* Новосибирск, 1982.
4. *Вопросы экономической истории России XVIII–XX вв.* Томск, 1996.
5. *Зиновьев В.П.* Сибирь в экономике России XVIII – начала XX в. // Сибирь в составе России XIX – начала XX в. Томск, 1999. С. 9–32.
6. *Скубневский В.А., Старцев А.В., Гончаров Ю.М.* Купечество Алтая второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2001.
7. *Скубневский В.А., Гончаров Ю.М.* Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. Часть I: Население. Экономика. Барнаул, 2003.
8. *Марцева Л.М.* Труд в контексте российской цивилизации (социально-философский аспект): Дис. ... д-ра экон. наук // Бюллетень ВАК Минобразования РФ. 2004. № 1. С. 14–19.
9. *Зарубина Н.Н.* Социально-культурные основы хозяйства и предпринимательства. М., 1998.
10. *Шиловский М.В.* Основные направления политики правительства по отношению к Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // Сибирское общество в контексте модернизации XVIII – XX вв. Новосибирск, 2003.
11. *Рубакин Н.* Рассказы о Западной Сибири. М., 1908.
12. *Российский государственный исторический архив.* Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240. Л. 156.
13. *Известия ТГОУ (Томского городского общественного управления).* 1908. № 13–16. С. 293.
14. *Неклепаев И.Я.* Народная медицина в Сургутском крае // Тобольский Север глазами политических ссыльных XIX – начала XX века / Сост. Л.П. Рошевская, В.К. Белобородов. Екатеринбург, 1998.
15. *Fiona Hill, Clifford Gaddy.* The Siberian Curce: How Communist Planners Left Russia Out in the Cold. Wash., D.C.: Brookings Institution Press, 2003.
16. *Рябов П.* Полярные страны Сибири. (Заметки и наблюдения в Колымском округе) // Сибирский сборник. СПб., 1887.
17. *Шелегина О.Н.* Специфика историко-культурных процессов в западносибирской деревне феодального периода // Общественно-политическая мысль и культура сибиряков в XVII – первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. С. 19–32.
18. *Наумов Н.* Горная идиллия // Русское богатство. СПб., 1880. № 6.
19. *Анненкова П.Е.* Записки жены декабриста // <http://www.annenk.html>.
20. *Флоринский В.М.* Заметки и воспоминания // Русская старина. 1906. № 4. С. 130–131.